

Копейченко Валерий

СЛЕДЫ

ОТ



СТАРЫХ

«ЖИГУЛЕЙ»

ДЕТЕКТИВ

16+

Валерий Николаевич Копейченко

Следы от старых «Жигулей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67125042

SelfPub; 2022

Аннотация

Казалось бы, чем заниматься пенсионеру, переехавшему в загородный частный домик. Выращивай овощи и фрукты на своем участке, сиди вечерами с соседями на скамеечке и обсуждай последние новости. Можно найти желающих и поиграть в шахматы, домино, карты... Есть телевизор, есть интернет... Но есть и желание продолжать активную жизнедеятельность. Есть непримиримость к злу, несправедливости. Бывший судья Руденко Николай Игнатьевич оказывается в гуще событий, которые непосредственно коснулись поселка, где проживал пенсионер, ставший по совместительству детективом. События эти внесли в его жизнь азарт, тревоги, новые ощущения и новые отношения.

Валерий Копейченко

Следы от старых "Жигулей"

Часть 1

Следы от старых «Жигулей»

Многие знают, как выглядели советские общежития. Лицом общаги был коридор, в котором из-за нагромождения различных вещей, предметов протиснуться было очень сложно. Пол в коридоре, как правило, был облезлый и некрашенный. Еще, для худшего варианта советской общаги, были присущи такие черты, как висящая везде электропроводка на скрутках, пустые патроны в коридоре с одной только тусклой лампочкой, общие, часто протекающие туалеты и душевые, кухни с жирными печками и тараканьими бегами после включения лампочки, именно лампочки, а не светильника.

В этом же, бывшем общежитии, который уже имел статус жилого дома, после ряда ремонтов, квартиры и коридор выглядели вполне нормально.

Кухня была хоть и общей, но чистой и уютной. Раритетом на кухне стояла ржавеющая, но с нержавеющей баком, неработающая стиральная машина. Ею нельзя было пользоваться по назначению, поэтому Мария Семеновна, одна из про-

живающих в этом доме, хранила в баке сыпучие продукты – крупы, соль, сахар – и накрывала машинку узорчатой накидкой, которую частенько стирала. Общая дверь в дом была всегда без замка. Замки были у каждого в квартирах.

Дом этот, бывшее общежитие для приезжих, ранее принадлежал местному кирпичному заводу и располагался в небольшом поселке, расположенном недалеко от областного центра. Его жители, живущие здесь уже давно – четыре семьи – старушка Мария Семеновна, тридцатилетняя Елена, еще одна одинокая женщина, лет пятидесяти, Ирина Сергеевна и семья с ребенком семи лет. Глава этой семьи работал монтажником охранно-пожарной сигнализации, его жена занималась домашним хозяйством. Квартира им осталась по наследству от родителей жены.

У Елены был гражданский муж, но он давно уже не появлялся в объятия своей, то ли жены, то ли подруги. В последнее время семейных отношений у этой пары не было. Были просто редкие встречи.

Рядом с этим домом год назад поселился шестидесятилетний мужчина. Бывший известный судья из областного центра. Три года назад умерла его жена. Боль утраты преследовала судью очень долгое время, так как любовь к этой женщине он берег до последнего дня их совместной жизни. В городе у пенсионера остался сын с семьей. Николай Игнатьевич Руденко, так звали судью, решил пожить на природе, поближе к земле, отдельно от детей.

В поселке приезжий пенсионер быстро подружился с соседями. Особенно, ему приглянулась Ирина Сергеевна.

... Ранним утром, в пятом часу, услышав крики с прилегающего двора, а двор условно был двором – без ограждений и забора, Николай Игнатьевич быстро вышел на улицу и, увидев несколько возбужденных людей возле соседнего дома, поспешил туда. Напротив бывшего общежития через дорогу под деревом лежал мужчина с ножевыми ранениями в шею и без признаков жизни. Скорую и милицию уже вызвали. Но еще до их приезда жильцы дома в погибшем узнали гражданского мужа Елены. Николай Игнатьевич сразу же подошел к лежащему, прямо на вытоптанной дорожке, бездыханному телу, внимательно, без любопытства, его осмотрел. Как бы продолжением указательного пальца правой руки на земле была прочерчена короткая линия с черточками на конце. Было подобие стрелки. Что это? Что хотел сообщить погибший? Попытка написать имя напавшего преступника? Или штрих конвульсии?...

Скорая помощь приехала быстро, а вслед за ней появились оперативники. Судмедэксперт уже работал со своим объектом, когда подъехала еще одна милицейская машина с кинологом, следователем Левченко и заместителем начальника райотдела Ворвулем. Пес Дружок по приказу своего хозяина сержанта Лесового, впитав предложенные ему запахи, включился в поисковую работу. Для начала он грозно залаял в сторону мужчины, садившегося с Левченко и Ворвулем

в машину. Это был парень, первый увидевший труп и сообщивший в милицию об этой страшной находке.

Звали парня Никита. Запах от него и немного нарушенная координация выдавали его состояние, на этот час, уже не тяжелого, опьянения. С его слов после ночных посиделок с друзьями он возвращался домой и случайно наткнулся на тело. Думая, что лежавший мужик после ночных увеселительных гастролей пребывает в таком же состоянии, как и он, Никита, со словами «Рота, подъем!», схватил лежащего за рукав, потянул на себя и...обомлел. На шее у мужика кровоточила ножевая рана, и, наверное, не одна, а тело не подавало никаких признаков жизни. В растерянности парень обвел взглядом округу, и глубже осознав ситуацию, побежал к ближайшему окну жилого дома. Там он нервно застучал сначала в первое окно, затем во второе, третье...

Ищейка не ограничилась лаем на расстоянии в сторону машины, где находились Левченко, Воркуль и Никита. Она очень резво подбежала к авто и начала лаять еще громче и яростнее. Лесовой понимал, что пес мог реагировать на Никиту, у которого были контакты с погибшим. Зная, что теряется драгоценное время, он буквально оттащил собаку от автомобиля и предложил псу поиск в другом направлении.

Николай Игнатьевич, стоя в стороне с небольшой группой жильцов соседних домов, внимательно наблюдал за происходящим. Его профессиональная деятельность, его знания подобных ситуаций позволяли делать некоторые выводы, умо-

заклучения, сопоставлять.... Появилось необъяснимое желание, даже влечение, разобраться в произошедшем событии. Сейчас для него интересными и первостепенными были два вопроса – умышленное это убийство или случайное. И второй – этот парень...

Дружок зигзагами подобрался к дороге. Не отрывая своего носа от земли, покружил на одном месте и еще раз залагал в сторону милицейского автомобиля. Затем он виновато посмотрел на своего хозяина, давая понять, что его работа на сегодня закончилась.

– Похоже, что убийство умышленное, – размышлял Николай Игнатьевич, глядя на милицейского пса.

– Либо убийцу здесь ждала машина, либо он сам на ней приехал.

Чуть позже, когда эксперт тщательно обследовал место происшествия и уехал, Николай Игнатьевич также побродил вокруг, но, ни малейших следов автомобиля не обнаружил. Трудно было, что-нибудь заметить на чистом асфальте. К тому же, немало машин уже проехало на этом участке. Тем не менее, возникшая версия стала у судьи основной.

Николай Игнатьевич был известен многим в правоохранительных кругах поселка. Его здесь уважали. Знали его по прошлой профессиональной деятельности, да и сейчас иногда обращались за консультацией. Поэтому, когда судья уже в финале предварительного сбора информации подошел к Левченко и спросил про Никиту, следователь с охотой, но

немного словно, высказался. Маловероятно подозревать парня в содеянном преступлении, но пока отбрасывать такое предположение он не собирается.

– Все покажет экспертиза и дальнейшее расследование, – сделал вывод следователь...

– Что за фрукт, этот погибший? – повернул свои размышления в другую сторону Николай Игнатьевич.

То, что он знал о Федоре, так звали бывшего гражданского мужа Елены, не было секретом. Родился тот в этих краях, рос не в очень благополучной семье, без контроля и без надлежащего воспитания. Лет в шестнадцать попал в детскую колонию для несовершеннолетних, а в двадцать шесть получил восемь лет тюрьмы за групповое преступление с убийством. После освобождения неизвестно где он обитал, но частенько появлялся в поселке. Здесь он завел знакомство с вышеупомянутой Еленой и вскоре переехал к ней. Прожив около полугода в статусе семьянина, Федор понял, что ему надоела такая жизнь. Любовь была без радости, значит, разлука будет без печали – решил Федор и исчез...

– Позвоню-ка я Мишке, – решил Николай Игнатьевич.

Его все больше интересовало и втягивало расследование преступления. А Мишка – это был один из его друзей, прокурор городской прокуратуры областного центра Михаил Иванович Малеев.

– Если в органах что-то известно о погибшем, быстрее можно выйти на подозреваемых. Помогу местным, – думал

судья-пенсионер.

В том, что произошло не случайное убийство, Николай Игнатьевич, почему-то был уверен, хоть и подтверждений этому было пока немного.

Почти так же думал и следователь Левченко. Убийств, а тем более умышленных, в его тихом поселке не было уже давно. Совершались различные правонарушения – драки, кражи, угоны, мошенничество и прочее, но посягательств на жизнь не было.

Оперативник ждал результаты экспертиз, но некоторые выводы для себя предварительно уже сделал. После работы их милицейской овчарки крепла уверенность, что убийца приехал и уехал на автомобиле. То есть, он поджидал Федора и, естественно, откуда-то знал, что тот появится в этом месте и в конкретное время. Какие-то следы эксперт-криминалист собрал на асфальте, но с его слов, шансов радоваться было мало. Далее. Удар в шею был профессиональным. Наверное, быстрым, сильным и в нужное место. Вряд ли это сделал Никита с его ростом и физическим состоянием на тот момент.

– Подождем, что скажут эксперты, но кое-что проверим сейчас, – закончил свои рассуждения Левченко.

... После обеда Николай Игнатьевич позвонил другу Михаилу Ивановичу. Обменявшись фразами «как твоё здоровье?»-«не жалуюсь»-«как твоё?»-«тоже нормально», пенсионер-судья изложил другу-прокурору свою просьбу «пробить» по ведомственным каналам названную фамилию, под-

черкивая, что искомый отбывал тюремный срок.

– Если только тебя не затруднит это мое сугубо личное и не очень важное обращение, – добавил Николай Игнатьевич.

И услышал в ответ:

– Не затруднит. Жди мой звонок.

... Часов в пять вечера Малеев позвонил.

– Сделаем так. Я сейчас отвечу на твою просьбу коротко, а ты, если моей информации окажется мало и если будет желание, подъедь на днях, можешь даже завтра. Попьем чайку, пообщаемся, и я попробую организовать тебе доступ к информации по интересующейся тебя личности. Докладываю. Федор Иванович Боровой, 1976-го года рождения. В 2010 году освобожден с мест лишения свободы. Отбывал срок, восемь лет, за групповое ограбление с убийством крупного предпринимателя. Веских доказательств, что убил он, так и не нашлось, но на приговор хватило. Действовал с напарником, Корчинским Сергеем Владимировичем. А теперь, внимание. Самое интересное. Два дня назад Корчинский был убит ножом в своем частном доме. Кого ты там ловишь? Приезжай – расскажешь. Жду, – закончил свой доклад Малеев.

– Вот это новость! Вот это поворот, – не зная как реагировать на сообщение прокурора, думал Николай Игнатьевич, – теперь-то я поеду обязательно.

... – Хорошо выглядишь, – встретил друга Малеев, – может и мне уже пора на покой. Смогу ли без работы? Расска-

зывает, как ты? Время у нас есть.

Поведав Михаилу о своих пенсионных делах, о семье и выслушав друга, Николай Игнатьевич, понимая, что у того рабочее время, напомнил о своей просьбе, коротко сообщив о происшествии.

– Ну, что же, товарищ Пуаро, если тебе на пользу ребусы и загадки, помогу. Внизу, в нашем архиве, у Анны Сергеевны лежит интересующее тебя дело. Попросил на один день. Поработаешь, заходи на чай. Я здесь, – подытожил Михаил Иванович.

... Было уже пять вечера, когда Руденко вспомнил о друге и о чае. Нет, о чае и о друге, так как обеденный бутерброд с кофе у Малеева давно уже растворился, и кушать хотелось. Дело было объемное, вникать надо было внимательно, кое-что приходилось перечитывать, к кое-чему возвращаться.

Складывалась такая картина девятилетней давности.

В загородном доме дачного поселка был убит со своего охотничьего ружья известный в городе среднего уровня предприниматель Соколов. Известен он был тем, что владел рынком, который пользовался у горожан немалым спросом. Обнаружили труп вечером. После настойчивых звонков, на которые никто не отвечал, приехала жена предпринимателя. Она знала, что муж собирался за город.

Николай Игнатьевич немного слышал об этом человеке. Он знал, что есть такой в городе, но контактов между ними не было никаких. Этим и ограничивалась известность пред-

принимателя для Руденко. Одной из версий было убийство с целью ограбления. Дом, как и состоятельный хозяин, был небедный, и со слов жены Соколова, преступники вынесли добра на очень большую сумму. С сейфа исчезли деньги, драгоценности, из дома ценные вещи, даже картины. . .

Понятно, что начали рассматривать и другие версии, но сразу выйти на след бандитов не удалось. Тем не менее, благодаря внимательности, хоть и немного случайно, один из преступников был пойман.

На рынке в поселке, где сейчас проживал Николай Игнатьевич, бывший местный житель продавал бронзовую женскую фигурку, которая попала на глаза одному из тамошних работников милиции. Тот в свой выходной день по просьбе жены бродил по базару с двумя уже полными сумками и случайно обратил внимание на товар продавца. Накануне по сводке с областного центра он видел такую же вещь, но на листе бумаги. Вскоре торгаша взяли. Это был Федор Боровой. Через два дня нашли и второго соучастника преступления Сергея Корчинского. На допросе оба задержанных признались в ограблении, но категорически отвергли причастность их к убийству. С их слов ограбили они дом примерно в шесть вечера, когда там никого не было. Ограбили быстро и ушли. . .

В доме убитого все выглядело так, как будто бы произошло самоубийство. Ствол был направлен в область груди погибшего, захват ружья и большой палец на спусковом крюч-

ке также с первого взгляда подталкивали оперативников к этой версии. Предстояла кропотливая работа, чтобы установить истину. Но даже через месяц не было четких и весомых доказательств вины задержанных в убийстве. Не было ни следов на ружье, ни очевидцев нападения на дом.

«Показания свидетеля», – читал Николай Игнатьевич очередной лист дела. Это были показания соседа, который проживал через два дома от погибшего. На вопрос, видел ли он кого-нибудь в этот день возле места происшествия, тот ответил:

– Никого, кроме милиции. С обеда там копошились.

Еще с материалов дела Николай Игнатьевич узнал, что и Боровой, и Корчинский подрабатывали у крупного по городским меркам бизнесмена Васильева. К нему, кстати, после смерти Соколова, каким-то образом, перешел во владение рынок погибшего. Это было давно известно Николаю Игнатьевичу. Была даже, насколько помнилось судье, прокурорская проверка факта передачи этого объекта в собственность Васильева.

Протоколы допросов, результаты экспертиз, показания свидетелей, выписки телефонных разговоров, опись пропавших ценностей, квитанции, чеки...

Вот копия чека с кафе, где в день убийства поздним вечером праздновали удачу налетчики. «Салат весенний» – одна порция; «салат греческий» – одна порция; «котлета по-киевски с гарниром» – три порции; «коньяк «Закарпатский» –

две бутылки...

Интересно, почему три порции вторых блюд? Из показаний работников кафе, а они опознали Борового и Корчинского, тех было двое. Но не троица ли была в доме погибшего предпринимателя, и не третий ли как-то участвовал в убийстве Соколова. Вполне возможно, что и он должен был сидеть в кафе со своими соучастниками, но, по какой-то причине, отсутствовал. Мысль о третьем засела в голове у Николая Игнатьевича, как заноза, не давала сосредоточиться. Да и две сегодняшние смерти могли быть связаны с этим третьим... И, скорее всего, этот третий из поселка, где проживал судья-пенсционер и откуда был родом Боровой. Очень хорошо знал удобное для преступления место, знал, куда шел Боровой и по какому пути. А стрелка, которую успел нацарапать погибший, могла означать «убийца здесь»...

Таковыми были предположения сыщика-любителя.

Еще после прочитанного дела у судьи было ощущение, что он был в шаге от какой-то разгадки, казалось, что рядом была подсказка, куда шагать следствию. Это чувство периодически возникало у Николая Игнатьевича все последующее время.

– Надо спокойно поработать в поселке, – подытожил свои размышления Руденко, – но вначале надо что-нибудь съесть в городе. Поеду-ка я к детям. А завтра с утрачка – в свою вотчину.

На третий день, в среду, когда страсти и слухи среди мест-

ных немного улеглись, Николай Игнатьевич еще раз посетил место происшествия. Несколько раз прошелся вокруг остатков, еще не исчезнувшего пятна крови, внимательно осмотрелся по сторонам. Стрелки, понятно, уже не было, так как много людей прошло по этой дорожке после случившегося. Дорожка эта шла с вокзала в двадцати метрах от железной дороги вдоль забора бывшей базы райпотребсоюза. Там, где забор заканчивался и поворачивал направо, начиналась небольшая площадка с большой роскошной плакучей ивой. Под ней как раз и произошло убийство. За площадкой в обе стороны шла дорога. Направо начиналась улица к центру. В ее начале по левой стороне стоял известный дом с четырьмя семьями, а за ним была усадьба судьи-пенсионера. Дорога налево пересекала железнодорожный переезд с домиком дежурного. Он стоял метрах в ста от упомянутого дерева. Как раз на этот домик и был направлен внимательный взгляд Николая Игнатьевича. А еще через пять минут он уже был возле дежурного, который немного знал пенсионера, знал о его профессии до пенсии и отнесся к его вопросу не агрессивно.

– Хочу немного помочь следствию, – начал доморощенный сыщик, – прошу извинить за беспокойство. Вы, наверное, слышали об убийстве. Не вы ли дежурили в ту ночь, когда убили Борового?

– Да, моя была смена. У нас сейчас работа через сутки, пока третий в отпуске.

– В нашем поселке машин мотается не так уж и много,

тем более по ночам, – продолжил Николай Игнатьевич, – не припомните ли, в ту ночь перед приходом электрички из города не проезжал кто-нибудь здесь или вон там возле ивы, – и Руденко указал в сторону дерева, где произошла трагедия.

– Через переезд перед электричкой вроде бы никого не было, а вот на той площадке кто-то со стороны центра развернулся. Я как раз ждал поезд и увидел крутящийся свет фар. Свет погас, и больше ничего не было видно. Да я и не всматривался. Кстати, там, как вы знаете, есть проезд под железной дорогой. Когда шлагбаум закрыт, машины ныряют в эту дыру. Возможно, что и тот автомобиль свернул под рельсы, хотя маловероятно – фары гасли на ходу, – закончил железнодорожник.

– Что хотел узнать – от вас услышал. Спасибо. Большое спасибо, – поблагодарил Николай Игнатьевич собеседника.

– Ну вот, – думал он, уходя с железнодорожного поста, – кое-что выяснили. Если убийца местный, то проживает он в этой правой части поселка. Его авто приехало из центра. Пятьдесят процентов населения имеет алиби. Хоть и примитивная эта моя версия, но веселая.

– А теперь зайду-ка я к своей подруге Ирине Сергеевне. Давно уже не был у нее в гостях, – подумал Николай Игнатьевич и зашагал в сторону бывшего общежития.

Ирина Сергеевна была дома. Она вообще редко покидала свое гнездышко. Главным ее увлечением и времяпровождением были книги. Приходя после работы домой, а трудилась

она экономистом-инспектором в пенсионном отделе поселка, Ирина Сергеевна сразу же вместе с вилкой брала в руки очередную читаемую книгу с закладкой на, недочитанной утром, странице и перемещалась в другой мир, в мир переживаний, познаний, тревог и радостей. . . . Был и компьютер в доме у женщины. И пользоваться им она умела. Но никакие социальные сети не могли заменить ей то состояние, которое испытывала Ирина Сергеевна, увлекшись сюжетом очередного произведения.

С мужем эта, еще молодая душой, женщина развелась пять лет назад. В столице со своей семьей проживала ее дочь, которая периодически навещала Ирину Сергеевну. Поводов тревожиться за нее у матери не было. Все у дочери складывалось успешно. У нее были хороший муж, интересная работа, материальное благополучие.

– Добрый день, Николай Игнатьевич, – встретила после стука в дверь Ирина Сергеевна своего знакомого, – забыли вы, наверное, свою подругу. Давненько не были.

– Не был давненько, а помню о вас все время, Ирина Сергеевна. Дела разные. Несколько дней провел в городе у детей.

И под чай завязалась беседа. Говорили увлеченно, о разном. Любая тема находила отклик у собеседника, чувствовались неподдельный интерес к затрагиваемым вопросам и искренность в общении. Что-то вело этих людей.

Николай Игнатьевич был всегда очень рад встречам с этой женщиной. В такие моменты он не выглядел техническим

протокольным судьей или статусным пенсионером-консерватором, а был порядочным, вежливым джентльменом и многознающим собеседником.

Нельзя было обойти тему убийства, но и задерживаться на ней тоже не хотелось.

– Ленка выдала мне кое-какие секреты о Федоре. Просила, на всякий случай, никому не рассказывать, хотя и обмолвилась, что вдруг это поможет следствию, – начала Ирина Сергеевна и продолжила:

– Федор однажды был очень пьян и рассказал Елене, как его когда-то спас, тогда еще участковый, Ворвуль. С чьей-то подачи Федор залез в богатую квартиру, хорошо ее обобрал, в том числе и сейф, который открыл ключом, который ему накануне вручил наводчик. Все бы обошлось, но воришка забыл в сейфе этот ключ. Вспомнил он об этом часа через два после ограбления и очень испугался, подумав об оставленных отпечатках. Не знаю, говорила мне Елена, в каких отношениях был Федор с участковым, но домушник обратился к Ворвулю, и тот все уладил. Ключи из сейфа исчезли. Понятно, к убийству этот случай не имеет никакого отношения. А вот то, что выйдя из тюрьмы, Боровой намекал Елене, что скоро все изменится и он ей предложит новую жизнь – интригуяще настораживало, – закончила передавать чужие секреты Ирина Сергеевна.

Еще она сообщила, что очень плохо спала в ту злополучную ночь, так как у соседей напротив почти до утра слыша-

лась какая-то возня, иногда громкий шум, разговоры, иногда выкрики.

– Очень интересная информация, – прокомментировал услышанное Николай Игнатьевич, а про себя подумал – надо бы спросить когда-нибудь Ирину про автомобиль. Ведь не спала же. И еще одно. Кто этот глава семейства с квартиры напротив? Мы знакомы, но я его совсем не знаю.

В предположениях и лабиринтах исследования сыщика-пенсионера любая информация о произошедших событиях воспринималась по своему, по его складу мышления. Она должна была укладываться в схемы, которые Руденко выстраивал, дополнять, совершенствовать его выводы. Но мог Николай Игнатьевич заглянуть и за пределы этого круга.

– Рад был вас увидеть. Спасибо за прием и интересную беседу, – улыбнулся Николай Игнатьевич, заглянув в глаза своей знакомой, но, не задерживая там взгляда, – в следующий раз, если примите, буду со своим гостинцем.

... Проснувшись среди ночи, Николай Игнатьевич ничуть не удивился, что первыми проблесками сознания стало его расследование. Автомобиль! Был ли он? Вполне возможно, что, развернувшись, он уехал в сторону центра. Или продолжил свой путь под насыпью. Дежурный на железнодорожном посту ждал электричку, которая прибывала из противоположной стороны, и ощутить свет фар мог мельком. Еще одна версия. Мог кто-то остановиться в этом месте, к примеру – поцеловать свою попутчицу и спокойно поехать дальше.

Нельзя исключать, что убийство могло быть случайным. А если запланированным, то зачем убийце так рисковать, подставляя свое авто? Хотя в авто меньше шансов быть увиденным...

– Чем больше узнаешь, тем больше вопросов, – думал Руденко.

– Надо еще раз все тщательно все продумать и искать дополнительные факты.

– Собака! – переключил внимание Николай Игнатьевич на другой объект в расследовании. Почему она остановилась на обочине дороги возле милицейского УАЗика, а не пошла к месту, где ночью стоял предполагаемый автомобиль. Ведь туда же должны вести следы убийцы.

– Наверное, этому я смогу найти объяснение, – размышлял ночной сыщик, – милиционеры и Никита, потоптавшись возле трупа, сели в УАЗик для дачи и снятия показаний. По их следах овчарка и остановилась возле машины.

– Стоп! – осенило Николая Ивановича.

– Если автомобиль был, и если он остановился приблизительно там, где показал дежурный, значит, могли в том месте остаться какие-нибудь следы пребывания. Зона ведь там мертвая и для машин, и для пешеходов. Прошло только три дня, дождей не было. Надо срочно посетить предполагаемое место высадки бандитского десанта.

Но еще была ночь.

... Тот, кто проходил или проезжал около шести утра воз-

ле стоявшего на окраине поселка многосемейного дома, с удивлением и любопытством наблюдал за ползающим на колёнях пенсионером.

– Ну вот, – азартно ликовал судья, – наверное, это наши капельки масла и наши следы от колёс.

В восемь утра Николай Игнатьевич поджидал в отделении Левченко, а в девять на указанное сыщиком место прибыл районный эксперт.

... – День ещё не закончился, а уже удался, – радовался Васильев, известный в городе предприниматель, депутат городского совета. Победа в тендере. Раньше, конечно, было проще – поговорил с нужным человеком и вопрос решен. Но и сейчас с деньгами и связями можно найти таких людей и решить свои проблемы. Подсказали друзья к кому обратиться – и ты уже победитель в этом соревновании ещё до торгов. А договор будет неплохой – снабжение продуктами в течение года самого крупного в городе военного училища. Надо будет поскрести по сусекам области и поискать дешёвые крупы, соль, сахар... Может быть где-то остались запасы с прошлых лет – отдадут за бесценок.

Щупальца бизнеса Васильева были многогранны. Он владел двумя крупнейшими рынками города, сигаретными киосками, было у него два небольших асфальтовых завода, несколько магазинов...

Любимым занятием Васильева было участие в различных акциях и собраниях правоохранительных органов. Он был спонсором большинства таких мероприятий. Наверное, у половины награжденных работников милиции, прокуратуры лежали, висели, стояли дома памятные знаки, сувениры, подарки, приобретенные по случаю торжеств и подаренные Васильевым. Он не пропускал ни одно мероприятие в городе, которое проводились под эгидой МВД, частенько сидел в президиуме. И не только в городе. Его, уважаемого, знали и в области. В частности, Васильев однажды спонсировал празднование дня милиции в поселке, где происходили описываемые события. Это он в этом поселке устроил на работу участковым своего бывшего работника, выходца с этих мест, Ворвуля. У него подрабатывали убитый Федор и его приятель, тоже убитый, Владимир.

В то же время не каждый горожанин знал, а некоторые только догадывались, о другой стороне бурной деятельности Васильева. Те, кто с ним сталкивался в деловых вопросах, воспринимали его как злостного нарушителя закона и ведения бизнеса. Грязные приемы, отжим бизнеса, рэкет, взятки, вымогательство, алчность – таким был стиль деловой жизни Васильева Игоря Игоревича.

... Выйдя на крылечко своего дома, Николай Игнатьевич увидел соседку Елену, которая развешивала постиранное бе-

лье в глубине двора.

– Пообщаться-бы, – подумал Руденко и не стал откладывать, еще ранее запланированную, встречу.

– Добрый день, Елена. Могу помочь, если не откажетесь, – подошел сосед к молодой женщине.

– Да, нет, спасибо, Николай Игнатьевич, уже заканчиваю, – молвила та.

– Не знаю о ваших отношениях, но примите мои соболезнования. Потеря близкого человека всегда невыносима. Только время может затянуть рану, да и то не у каждого и, к сожалению, только поверхностно, – продолжил пенсионер.

– Спасибо, Николай Игнатьевич, будем ждать это время, – отвечала соседка.

Как показалось Николаю Игнатьевичу, не очень-то и печальной была интонация в голосе Елены.

Она, скорее всего, и родилась в этом доме, бывшем общежитии местного кирпичного завода. Ее мать всю трудовую жизнь проработала на этом предприятии сначала учетчицей, а потом заведующей складом готовой продукции. Отца девушка не знала. Когда Лене было двадцать пять лет, матери не стало и молодая девушка, до этого пребывавшая в относительном благополучии, методом проб, ошибок, удач и разочарований начала лепить свою новую, неизведанную жизнь. Все ее браки были гражданскими. То ли она не очень устраивала кандидатов в мужья, то ли ей не нравились эти кандидаты, но так и шла она по жизни без штампа в паспорте.

Очередным оказался Федор, с которым у Елены брак был даже не гражданский, а какой-то гостевой. Естественно, такой была и любовь женщины к этому человеку. Известие о смерти Федора не очень расстроило Елену. Было вначале какое-то новое чувство и состояние, но, наверное, это была реакция на неожиданную смерть любого человека. На момент убийства их уже ничего не связывало.

– Лена, вы меня извините за, может быть, неуместный вопрос. Хотел спросить о Федоре. Были ли у него враги, кто его друзья, товарищи. Что он был за человек? – задал вопрос Руденко.

И неожиданно для себя услышал от Елены целую исповедь – о Федоре, о ее жизни, об окружении, с дачей этому окружению характеристик...

Друзей настоящих, по мнению Елены, у Федора не было. Были хорошие знакомые, приятели – Вовка, Серега, были какие-то отношения с Ворвулем – раньше вместе работали, почему-то с Сергеем Ивановичем, директором местного рынка.

О врагах Елене не было известно ничего. Была неприязнь у Федора к соседу.

– Однажды он увидел, как тот заглядывал в душевую, когда я там мылась, – поведала Елена. – Чуть не дошло до драки, хоть сосед уверял, что шел по своим делам. Мой, наверное, ревновал, а может быть ревность была и у соседа. Поговаривали, что Федор посматривал на его жену. Неприязнь у

них была взаимной, – закончила Елена.

Далее тема разговора поменялась. Николай Иванович, где мог, поддакивал собеседнице, поддерживал ее в справедливых выводах и, в конце концов, поблагодарив за беседу, выскользнул со двора.

На следующий день утром ему позвонил Малеев и попросил, по возможности, заехать к нему на пять минут.

– Есть информация, – лаконично произнес друг.

Накопились и другие дела в городе у Николая Игнатьевича, поэтому вскоре он уже пожимал руку Мишке и готов был того выслушать.

– Я сразу о главном и не очень приятном. Есть у нас в управлении, ты должен его знать, Семенов – заместитель начальника по надзору за соблюдением закона сыскарями. О нашей с тобой дружбе известно многим, в том числе, наверное, и ему. Вчера очень витиевато Семенов попросил меня немного тебя тормознуть. Якобы, есть жалобы от местных – мешаешь следствию. Можешь мне не рассказывать о своих пенсионных приключениях, но имей ввиду, кто такой этот Семенов. Его стараются не трогать, обходят стороной. Крысиная натура, типчик еще тот. Думаю, что когда-то он рухнет, долго с таким имиджем не удержаться. Прими к сведению мою информацию. Ну, и, сам догадываешься, если ситуация будет критическая – сразу сюда. Будь здоров, я на совещание, – закончил Малеев.

– Неужели под кем-то зашатался трон после моих попыток

что-то выяснить, – размышлял Николай Игнатьевич, возвращаясь на своем авто после города в поселок, – в каком месте я потянул за правильную ниточку.

Ответ ждал сыщика-любителя по приезду в поселок. От Левченко он узнал, что результаты экспертизы следов авто предполагаемого преступника исчезли. Сумка, которую эксперт по неосторожности буквально на минуту оставил на скамейке перед райотделом, испарилась. Сначала эксперт решил, что это шутка, устроенная кем-то из сотрудников. Он уселся на скамейку и стал ожидать, сильно не расстраиваясь. Но со временем напряжение начало нарастать. Все время проходили посетители, сотрудники райотдела, стояла небольшая очередь в паспортный отдел. Сумка пропала.

Только после обеда кто-то предложил еще раз взять образцы следов заново. И вот тут эксперта снова ждала неудача. Следов не было. На всем участке, где они ранее виднелись, сейчас была гладенькая пыльная поверхность. Не хватало только на ней нарисованной рожицы с языком или кукиша – как дела, следопыты?

То, что произошло в этот день, внесло коррективы в планы Николая Игнатьевича. Хотя розыскная деятельность его шла не всегда по плану. Правильнее было бы обозначить ее словом протекала. Иногда возникала и проносилась экспромтом.

– Выводов можно сделать несколько, – думал Руденко.

Первое. Допустим, что сумку украли воришки. Следы за-

мело какой-то проехавшей машиной.

Второе. За ним и за следствием следят. Кража умышленная, следы затерты сознательно. Да и донос Семенову...

Тогда, третье – убийца в поселке, и в таком случае, несомненно, подъехал он к месту своего преступления на автомобиле.

Четвертое. Убийца или его сообщники могут работать в райотделе, но могут быть и вне милиции, используя свои знакомства.

Наверное, такие ребусы и возможности их решать под силу только профессионалам или людям с полномочиями. Но и мне интересно этим заниматься. Может быть, ответ и разгадка в нестандартных решениях и выводах, в то время как следствие часто идет по каким-то шаблонам. Надо немного отдохнуть и взвешенно, спокойно еще раз проанализировать всю имеющуюся информацию», – решил Николай Игнатьевич.

На следующий день, выйдя из магазина, Николай Игнатьевич увидел эксперта Серегина.

– Чуть с работы не уволили, – пожаловался тот, – до сих пор не могу прийти в себя. Какой-то миг....

– Кажется мне, что в этом случае больше наглости и самоуверенности ворюги, чем ваша оплошность, Иван Семенович, – отвечал Руденко. – Понятно, что доказательства утеряны, но вы хоть помните эти следы, чьи они.

– Конечно. Но вначале о моем ощущении. Сдается мне,

что в отделе поселился оборотень. Дай бог, чтобы я ошибался.

По экспертизе. Мой субъективный вывод – это следы от шин автомобиля марки «Жигули», причем протектор сильно стертый, наверное, и машина изношенная или неухоженная. Хороший хозяин на таких колесах не ездит. Хотя может быть все. Жидкость похожа на тосол, но может быть и масло. Узнать уже не сможем. Течь слабая. То, что протекает, также указывает на неновое авто, – доложил как на совещании Сергей и добавил:

– Такова моя основная версия.

– Это тоже нужный результат, – закончил беседу Николай Игнатьевич, – желаю вам, Иван Семенович, дожить спокойно с новой сумкой как минимум до пенсии.

С этого момента, передвигаясь по поселку, Николай Игнатьевич стал обращать внимание на проезжающие возле него автомобили. Его интересовали старенькие «Жигули». Еще он захотел выяснить, что связывало Федора с директором рынка Сергеем Ивановичем, пятидесятилетним жестким хозяином всей рыночной жизни поселка, которого многие побаивались. Зная все тонкости скрытой торговой деятельности, неугодных ему торговцев по разным причинам он мог припугнуть налоговой инспекцией. Что это за дружба таких разных людей. И, кажется, был на рынке источник, который мог бы кое о чем рассказать по этому поводу. Еще год назад Руденко завел здесь знакомство с одним из предпринимате-

лей, Иваном. Тот с семьей торговал мясом птицы, и Николай Игнатьевич стал его постоянным покупателем. Частенько, когда не было очереди, мужчины вели беседы на разные темы. Их отношения стали доверительными. Несколько раз, начав беседу в павильончике торговца, мужчины перебирались в рядом стоящее кафе «Наташа» и, здесь ответы на все вопросы находились намного быстрее.

Иван с зятем и дочерью были на месте. Торг шел оживленно. Хоть уже и было около одиннадцати – не утро, но базарный день привносил динамичность. Иван с семи утра, не приседая, был поглощен своей работой, поэтому на предложение Николая Игнатьевича зайти к Наташе и выпить по бокалу пива охотно согласился. Обычно предметы их обсуждений были настолько разными и непредсказуемыми, что предложенная пенсионером тема жизни рынка мгновенно была подхвачена Иваном. Тем более что базарная жизнь была уже родной для торговца. Ведомый вопросами Николая Ивановича, Иван рассказал следующее.

Федора он немного знал. Тот периодически посещал рынок, а что у него были за дела, точно никто не догадывался, так как местные серьезно его не воспринимали. Но базар существует, в том числе и для того, чтобы по нему ходили слухи. А слухи были такие. Федор появлялся здесь как посланник или представитель городского бизнесмена Васильева для различных грязных делишек, которые обсуждал с директором рынка Сергеем Ивановичем. Как правило,

речь шла о закупках больших партий не очень качественного продовольственного товара по невысоким ценам. По другим слухам такая сделка, с полномочиями якобы от имени Васильева, была осуществлена всего один раз. В остальные приезды Федор ссылался на Васильева, но действовал самостоятельно. В последний раз ему удалось сбыть Сергею Ивановичу некачественного товара на очень большую сумму. Причем деньги он получил сразу, а товар должен был завозить частями. Такой была договоренность, гарантированная именем городского бизнесмена.

– Чтобы закрыть эту тему, скажу, что товар Сергей Иванович ждал бы до сих пор. Но он как-то связался с Васильевым и узнал всю правду. Федор с деньгами исчез, так и не произведя поставок, – закончил свой рассказ Иван.

– А на что способен был этот ваш рыночный босс в той ситуации? Мог ли пойти на убийство? – поинтересовался Руденко и услышал от собеседника:

– Сложно ответить. Он, скорее всего, нет, но у него под рукой есть мутные личности. И здесь, и в городе.

– Мотив! – думал Николай Иванович, расставшись с Иваном.

А как же второй, Корчинский? Если это рыночная мафия, то за что второго. Хотя эта пара могла действовать сообща. Интересно узнать, что нарыли по этому делу наши доблестные районные следаки. Спрашивать неудобно, да и вряд ли все расскажут. Может, предложить свои материалы? Впро-

чем, поработаю еще. Узнаю больше, тогда и встретимся с вами, пан Левченко, – закончил свои размышления пан Руденко.

Перед тем как идти домой, Николай Игнатьевич два раза обошел большую площадь – предрыночную стихийную автостоянку и доложил себе:

– Изношенных «Жигулей» с искомыми признаками не обнаружено...

В понедельник Руденко поехал к Малееву. Он знал его более-менее свободное время в рабочем графике, поэтому застал друга в его кабинете.

– Миша, привет. Удели другу, если не занят, десять минут. О личном пропускаем, поговорим на настоящей встрече, – сходу произнес Николай Игнатьевич.

– Разрешаю пятнадцать минут. Привет, друг, – ответил Малеев.

Очень коротко, сообщив прокурору свежие новости о своих расследованиях, районный детектив обратился к другу с просьбой:

– Я понимаю, что дело в производстве, понимаю, что пишу о запретном. Но очень хотелось бы узнать вкратце об убийстве Корчинского.

– Готовь мне дом по соседству в твоем поселке – меня уволят с работы из-за твоих просьб, – с иронией начал Малеев. – Ты бы не перебегал дорогу местным, хоть и уважают тебя. Будь осторожнее – все таки криминал. Раз настаиваешь,

попробую помочь. Просьба ведь о поимке преступников, то есть о соблюдении законности, хоть и не очень законными методами. Если следаки знакомые – сведу тебя с ними, если нет, что-нибудь узнаю. Жди, позвоню, – закончил прокурор.

... Вечер только начинался. Сидя возле телевизора, Николай Игнатьевич почувствовал, что пора уже проведать Ирину Сергеевну. Очень было с ней уютно, интересно и спокойно. В шкафчике ждали свой час две кондитерские коробки – одна с подарочным натуральным зефиром и еще одна с сухим песочным тортом. В выборе съестных продуктов Николай Игнатьевич был немножко придиричиво-педантичный. В конце-концов ел то он все, но всегда старался выбирать натуральные продукты. Он с чувством ностальгии вспоминал детские и молодые годы, когда в магазинах, хоть и был дефицит по ряду продовольственных товаров, но то, что продавалось, было отменного качества. Какие были сладости, молочные продукты – масло, молоко, сметана... Он тогда еще был юношей и не употреблял «Московскую», «Столичную», но сейчас ему казалось, что те, с бескозыркой, были эталоном для сегодняшних спиртных напитков. Зефир и торт Николай Игнатьевич выбирал для визита к Ирине Сергеевне в местном супермаркете очень долго. Он раза три прошел вокруг стеллажей со сладостями, внимательно вычитывая состав продукта. Белок, клетчатка, жиры, пищевые кислоты, красители, консерванты, стабилизаторы.... Главное, чтобы было меньше или вообще не было всех этих E2-E4. Так, тер-

мином из шахмат, называл Николай Иванович все ненатуральные добавки в продуктах питания.

Ирина Сергеевна обрадовалась неожиданному приходу неожиданного гостя. Радость эта была видна в ее поведении и суете.

– Очень вовремя, Николай Игнатьевич. Я недавно с работы, задержалась. Сейчас будем ужинать, – воодушевленно произнесла она.

– Нет, нет, спасибо, Ирина Сергеевна. А от чая не откажусь, – сказал Николай Игнатьевич и тут же не отказался и от ужина. Тем более, что ужин оказался очень вкусным – салат из свежих помидоров с огурцами на свежем подсолнечном масле, куриная отбивная с тертым сыром и с гарниром – пюре-картофелем. Кроме того, на столике появилась, пусть и не полная, бутылка шампанского «Французский бульвар».

За ужином потекла беседа. Обо всем. Любая тема была обоим интересна. Ирине Сергеевне очень хотелось поделиться свежим прочитанным, Николай Игнатьевич знал много интересного из жизненного опыта. Коснулись и насущных новостей. Не очень подробно Руденко высказался о ночном автомобиле и был в легком замешательстве, когда услышал от соседки подсказки-комментарии к своему расследованию.

– Николай Игнатьевич, можно поискать кого-нибудь с ночной электрички. Их, наверное, единицы – тех, кто прошел в ту ночь по пути убитого. Но, все-таки, есть какой-то

шанс, что люди видели стоящий автомобиль. Далее, – продолжала «мисс Марпл», – знаю, что на железнодорожном переезде есть камеры наблюдения. Вполне возможно, что одна из них могла поймать момент подъезда автомобиля. Номер мы не увидим, но форму фар или что-нибудь из очертаний машины очень может быть. И последнее, по вашему автомобилю. Собрав все эти данные, плюс добавив ваши, я бы не пожалела времени объездить местные СТО и поспрашивать об этом транспортном средстве. Тачка-то, со слов эксперта, возможно, старая, должно быть, требует ремонта. Затрат на проверку наших предположений, она подчеркнула – «наших», немного, но эффект мог бы быть весомым, – закончила Ирина Сергеевна.

До того неожиданным был этот экспромт от соседки, стремительный и дельный для Николая Игнатьевича, что тот только и смог произнести:

– Невероятно. Я в восторге...

... Ложась спать, пенсионер все еще не мог забыть сегодняшней вечер в гостях у Ирины Сергеевны.

– Необыкновенная женщина. Она не только в облаках, но и на земле, да и на кухне....

Еще Руденко понимал, что его полномочий и усилий решить новую задачу, не хватит. Надо было все услышанное передать Левченко. А как же оборотень? Вдруг, действительно, какой-то злодей в райотделе. Следовательно Николай Игнатьевич доверял, но надо было, как-то перестраховаться.

Автомобиль был, наверное, единственной пока нитью, связывавшей расследование с конечным результатом. Рисковать не стоило, надо было хорошо, и не откладывая на потом, все обдумать. Да и других забот и интересов у сыщика хватало – его ждал рынок.

... Утром во вторник позвонил Малеев и сообщил о выполненной просьбе:

– Лучше будет, если подъедешь и сам пообщаешься с Никифоровым. Я вас сведу. Много подробностей не услышишь, но тебя, думаю, информация устроит. Если сможешь, подъедь к двум.

... Капитан Никифоров, пожав руку и представившись, повел себя очень рационально. Не ожидая вопроса, ценя время, он изложил произошедшее так:

– Корчинский после отбытия заключения проживал с отцом в частном доме на окраине города. Подрабатывал в различных местах, постоянной работы не было. Но, как мы выяснили, у него был неизвестный источник доходов. Это, пожалуй, основная наша, путеводная пока, ниточка в расследовании. Да, его часто видели с Боровым. Мы, кстати, тесно работаем с Левченко. На момент убийства, а произошло это вечером девятнадцатого октября, его отец находился в больнице. Скорее всего, убийца об этом знал. Как и знал убийцу Корчинский. Это мы поняли по обстановке в доме, пропущу подробности. Далее. Четкий удар ножом в шею, и никаких следов. Ощущение, что злодей был в бахилах и в пер-

чатках. Все было выполнено профессионально и без колебаний. Последний штрих к делу. Когда мы приехали на вызов, а сообщил сосед, Корчинский лежал, уже бездыханный, на полу, а его указательный палец правой руки был поднесен к плечу. Что это? Знак или такая поза сложилась при падении. Пока загадка. Вот теперь все, – закончил капитан и сразу же добавил:

– Николай Игнатьевич, к вам просьба. Вы прекрасно знаете о тайне следствия, не вам напоминать. Знаю от Малеева, что это ваша общественная пенсионная нагрузка и помощь органам на местах, но мы с вами не встречались.

– Под пытками не признаюсь, – пошутил Руденко, сохраняя серьезное выражение на лице, и добавил:

– Спасибо, Александр Петрович. У меня к вам тоже есть информация.

И сыщик передал Никифорову все, что узнал и что предложила Ирина Сергеевна об автомобиле. Упомянул он и повод передать данные именно Никифорову:

– Левченко доверяю, но для уверенности сообщаю вам. Все равно сливаем в одну бочку.

Капитан, который, казалось бы, должен был держать себя до конца встречи ровно, повел себя немножко так, как Николай Игнатьевич после услышанного от Ирины Сергеевны. Конечно, какую-то часть этой информации следак уже знал, но в целом сообщение пенсионера было ценным:

– Теперь спасибо вам, Николай Игнатьевич. Мне, в общем

то, известна ситуация по Боровому, мы работаем совместно с вашими. То, что вы сообщили, очень пригодится. Желая удачи. Будьте осторожны.

... Надо было как то узнать, какие авто у команды директора рынка. Но сначала – кто в его команде. Николай Игнатьевич кое-что подумывал по этому поводу. Когда идея созрела, он зашагал на рынок. Дождавшись отъезда директора, Руденко открыл дверь в приемную и обратился к помощнице босса, молодой секретарше Светлане:

– Света, добрый день. Вы разрешите мне кое о чем у вас спросить. К кому подойти с моим вопросом – к Сергею Ивановичу или к его заместителям. У меня в городе племянник владеет немаленьким производством – колбасным цехом. Реализация продукции по городу устойчивая, но захотел племянш накормить народ в области. Хотим узнать, нельзя ли открыть торговую точку на вашем рынке.

– Официальных заместителей у Сергея Ивановича нет. Такие вопросы решает только он. Можете его подождать, скоро будет, – важно ответила секретарь.

– Спасибо. Понял. Еще об одном, – уже выходя из помещения спросил Руденко, – как у вас с безопасностью. Не наедут ли на новеньких, спокойно ли?

– Об этом можете не волноваться, – произнесла Светлана, – защита надежная.

– Знать бы вашу защиту и на чем она ездит, – думал Николай Игнатьевич, прохаживаясь по рынку.

Машин на площади было немало. Преимущественно занимали места на стоянке иномарки, но иногда попадались и «Жигули». Было несколько стареньких – ржаво-изношенных и побито-облезлых, с новыми шинами и с лысым протектором – разных, подходящих под условную машину врага. Как бы невзначай, сыщик заглядывал под днище, пытаясь обнаружить хотя бы маленький след от протекания. Но везде было сухо.

– Под днищем сухо, а в голове глухо, – размышлял Руденко, идя домой.

– Да что я так увлекся этим происшествием. Есть же другие занятия. Три дня ничего не пишу, не готовлю, с крана капает, как с наших разыскиваемых «Жигулей». Уборку бы в доме сделать. К Ирине Сергеевне надо заглянуть, пообщаться – вдруг она еще что-нибудь подкинет.

... Ирина Сергеевна взяла да и подкинула. Когда за чашкой чая возникла тема преступления, и Николай Игнатьевич рассказал о похожих событиях в городе, необыкновенная женщина очень просто, и сразу же после услышанного, сообщила:

– На въезде в город со стороны нашего поселка есть пост ГАИ. У них работает видеонаблюдение. Надо посмотреть записи камер накануне убийства. Если есть версия, что убийца с наших краев, то следует на них поискать ваш потрепанный лексус с протекающим днищем и лысыми колесами. Еще такая камера установлена на нашей единственной в поселке

АЗС. Даст ли что-нибудь ее просмотр – не знаю, но тоже есть шанс. Это в том случае, если был успех от нашей предыдущей идее по видеокамере на железнодорожном переезде.

– Ну, нельзя же так превосходить меня в моем расследовании, – радовался, как ребенок, Николай Игнатьевич, восхищаясь способностью Ирины Сергеевны так быстро и результативно реагировать на неожиданно возникающие загадки.

В восемь утра Руденко позвонил Никифорову и вкратце сообщил о последних вчерашних результатах авторасследования. Он помнил слова эксперта о тайных шпионах в районных правоохранительных органах и, как юрист, не исключал этот вариант.

Васильев Игорь Игоревич снова радовался. Опять победа в тендере. И снова за небольшое вознаграждение – он и сам не знал кому – он победитель. На этот раз получен госзаказ на продукцию его асфальтобетонных заводов. Заводы, конечно, были старенькие, с допотопным оборудованием.

– Хоть какие-то средства надо вложить в модернизацию, в качество выпускаемой смеси – сплошные претензии от дорожников. Хотя, важнее эти средства использовать для других целей. Надо все обдумать, – размышлял Васильев.

Настроение у Игоря Игоревича было хорошим. Единственное, что его напрягало в последние дни, так это возня вокруг бывших его работников, ныне уже неживых, Борово-

го и Корчинского.

Васильев уже и забыл их, но те после отбытия наказания объявились в офисе и стали просить за старые заслуги немалые деньги. Дал сколько мог. Теперь это следствие только парализует работу. Надо переговорить с Семеновым еще раз, чтобы перекрыл вмешательство в наши дела – за что платим.

... Было еще очень рано, когда Николай Игнатьевич услышал стук в калитку. Он уже не спал, ждал на кухне, когда засвистит чайник, приглашая его к утреннему чаепитию. С некоторым настороженным любопытством открыл дверь на улицу и увидел перед собой мужчину лет до сорока с немного виноватым выражением лица.

– Николай Игнатьевич, я сейчас представляюсь, но, прежде всего, прошу прощения за такой ранний визит. Не могли бы вы уделить мне минут пять. Я сейчас все объясню, – немного сумбурно и смущенно попросил мужчина.

Выдержав быструю паузу замешательства и соображая, как поступить в этой ситуации, судья показал жестом в сторону виноградной беседки и уже уверенно произнес:

– Прошу вас.

– Еще раз извините. Хотел, чтобы меньше народа меня здесь видело. Разрешите сначала представиться. Я местный предприниматель Анатолий Иванченко. К вам с такой проблемой в надежде на вашу помощь, – начал свое повество-

вание неожиданный гость и рассказал судье следующее.

У визитера-предпринимателя была в поселке своя небольшая строительная фирма. Лет восемь назад он выкупил еще оставшийся с социалистических времен деревообрабатывающий участок с несколькими строениями, станочным парком и территорией в полгектара земли. Все это наследство предыдущего общественного строя располагалось почти в центре поселка и многим местным богатыньким, да и тем, кто был у власти, было красной тряпкой при разделе социалистической собственности. Сейчас же, когда все бывшие государственные строения уже были выкуплены и распределены между вышеупомянутым контингентом, некоторые жаждали добавки к своим бизнес-приобретениям.

– Представители правоохранительных органов отжимают мой бизнес. В частности, хотят любым способом завладеть участком. И руководит этой операцией заместитель начальника районной милиции пан Ворвуть. Николай Игнатьевич, нет ли у вас в области какой-нибудь крыши от этой банды. Своими силами я не справлюсь, обращаться в местные инстанции, сами понимаете, небезопасно, – сообщил мужчина.

Неожиданный был визит и еще неожиданнее содержание монолога и просьба предпринимателя, но надо было как-то реагировать, и Николай Игнатьевич соображал не долго:

– Мне приятно, Анатолий, что я у вас вызываю доверие, но сразу что-то пообещать не могу. Я проконсультируюсь кое с кем и вам сообщу о результатах, – завершил беседу Ру-

денко и, записав номер телефона гостя, провел того к выходу.

– Вроде бы нормальный парень, – думал Николай Игнатьевич, – жаль, если его «съедят». Надо поговорить с Малевым.

... В который раз Руденко прогуливался по площади перед рынком, всматриваясь в стоящие автомобили.

– Растет благосостояние народа, – размышлял детектив, – почти не осталось советских машин, одни иномарки. А верно ли предположение эксперта в отношении «Жигулей»? Может быть, была другая марка автомобиля? Тогда придется ползать по всей площади. Нет-нет. Надо искать то, что предложил криминалист, целее будут мои джинсы.

Насмотревшись на продукцию непротекающего под днищем мирового автопрома, Николай Игнатьевич направился к Ивану.

– Ваня, добрый день. Очень хочется курятины, – шутя, обратился он к своему знакомому.

– Заходи, Игнатич, выбор большой, – услышал в ответ.

Пока очереди в торговый павильон не было, друзья успели обсудить коротко последние новости страны и рынка. В конце беседы Руденко решил не скрывать свой интерес и спросил у Ивана, есть ли у кого-то из приближенных директора рынка подержанный автомобиль марки «Жигули».

– Да нет, все на иномарках, даже его пешки, – сообщил Иван.

... В этот же день Николай Игнатьевич приблизительно в шестнадцать тридцать вышел из мастерской, где сдал в ремонт сломавшуюся кофемолку, и направился к своему автомобилю, который стоял в переулке сразу за парковой зоной. Здесь проезд был запрещен, место было всегда малолюдное и надо было пройти метров сорок по плиточной дорожке, чтобы выйти на улицу, которая вела к переулку с авто. Подходя к улице, Руденко увидел на ее противоположной стороне Ворвуля с каким-то мужчиной лет тридцати-сорока. Точный возраст этого человека определить было трудно ввиду помятости его физиономии, хотя, может быть, таковой была конституция его внешности. Ворвуль очень горячо и немного агрессивно что-то доказывал собеседнику, а тот только согласно кивал в ответ. Заместитель начальника в какой-то момент увидел пенсионера и, думая, что тот его не заметил – расстояние между ними было метров тридцать – оттолкнул мужчину, что-то ему быстро сказал и поспешил в сторону. Мужчина, же, тоже быстрым шагом двинулся в сторону переулка, где стояло авто судьи. Туда же, еще быстрее, засемянил Руденко.

Подойдя к перекрестку, Николай Игнатьевич увидел, как в метрах двадцати, недалеко от его стоявшего автомобиля, начинают отъезжать бежевые «Жигули» с номером 37-89. Все быстрее и быстрее. Переулок был пустынным, с небольшим количеством домов и там, в конце за последним домом, начинался пустырь с самодельным футбольным полем. Да-

лее поселок в этом направлении заканчивался, и шли луга и поля с посадками.

Руденко быстро дошел до места, откуда стартовали «Жигули», внимательно посмотрел на следы от машины и произнес:

– Ну вот, а говорили, что не найдем.

На земле четко виднелись пятна какой-то жидкости, да и отпечатки были от лысых шин. Руденко присел на корточки, рассматривая следы, как вдруг над головой услышал вьедливый голос Ворвуля:

– Что ищем, Николай Игнатьевич? Помощь не нужна?

Поднимаясь и соображая, что ответить, Руденко заметил движение руки Ворвуля, потянувшейся в боковой внутренний карман пиджака. Его быстрые взгляды глазами во все стороны, нервное подергивание тела и медленные шаги в сторону пенсионера выдавали недобрые намерения. Время для сыщика помчалось катастрофически быстро. И в этот момент с улицы в переулок выскочила группа подростков с футбольным мячом. Эта ватага увлекла за собой Николая Игнатьевича, который на глазах у изумленного Ворвуля подбежал к своему авто, быстро сел за руль и, опережая пацанов, рванул к стадиону. Мало ли что было на уме у этого мента.

Внезапно, может быть из-за стрессового состояния, в голове у Николая Игнатьевича возникла догадка на один из вопросов, скрытой и засевшей в подсознании темы, вернее события. Читая дело девятилетней давности по убийству пред-

принимателя Соколова, Руденко запомнились слова из показаний соседа, но что-то в них выскользнуло из восприятия прочитанного и осталось неразгаданным в подсознании. Тот тогда, не зная, когда произошло убийство, заявил, что не видел никого, кроме милиционеров, которые крутились возле дома Соколова почти полдня. Как полдня, если первый наряд по вызову прибыл на место происшествия после шести вечера. Значит, был кто-то из милиции раньше. Его то, скорее всего, и видел сосед. Зная о связях Борового и Корчинского с участковым, третьим мог быть Ворвуль. В милицеевской форме.

– Александр Петрович, добрый день. Срочное сообщение, – немного волнуясь, по телефону докладывал Руденко Никифорову.

– Номер «Жигулей» 37-89. Чем быстрее возьмете, тем больше шансов, что лысые колеса не натворят беды. Второе. Надо поднять дело Соколова и поговорить еще раз с соседом убитого, показания которого есть в деле. Скорее всего, днем до наряда у Соколова был в гостях еще один милиционер и, наверное, с угрозой для жизни предпринимателя.

Далее Руденко коротко рассказал о встрече с Ворвулем и, пообещав не высовываться, повернул в сторону дома.

...Местный предприниматель Анатолий Иванченко, проезжая вечером возле райотдела милиции, был буквально ошеломлен и немного перепуган увиденным. Только утром он жаловался судье-пенсионеру на беспредел заместителя

начальника милиции Ворвуля, а сейчас того в наручниках вели в черный японский микроавтобус трое здоровых парней, видимо с областного спецназа.

– Ни хрена себе, пенсионер... Сила!... – шептал Иванченко, не слыша своего голоса.

... Через некоторое время СМИ в городе сообщили, что на очередной сессии горсовета по представлению прокурора области было внесено предложение об отзыве депутата Васильева Игоря Игоревича. Городской прокуратурой ему были предъявлены обвинения в целом букете преступлений.

... Рано утром в доме Николая Игнатьевича раздался звонок. Звонил Малеев:

– Это детективное агенство Руденко? – весело проговорил он.

– Здравствуйте, Николай Игнатьевич. От имени моих коллег разрешите поблагодарить вас за активное участие в очищении рядов прокуратуры от коррупционеров и взяточников. Я о Семенове. Подробности при встрече.

Ирина Сергеевна подняла голову от подушки и, захлопав сонными глазками, спросила:

– Кто это?

– Спи, спи, дорогая. Я сейчас приготовлю кофе и разбуду тебя. Успеешь на свою работу. Это звонил генеральный прокурор. По поручению и от имени президента он просил передать тебе благодарность за участие в очищении прокуратуры от коррупционеров и взяточников.

... Уже позже Николай Игнатьевич узнал подробности всех последних событий, которые непосредственно коснулись поселка, где проживал судья-пенсионер, по совместительству детектив, и внесли в его жизнь азарт, тревоги, новые ощущения и новые отношения.

Сначала по сообщению Руденко быстро нашелся владелец искомого «Жигулей» со своей машиной, у которой действительно были лысые шины и протекал тосол. Это был некто Светлов – человек без определенных занятий, неоднократно нарушавший закон, и который был управляем Ворвулем в целом ряде различных преступлений. Он без всякого нажима сразу же сдал своего шефа, подтвердил версию следователей об использовании Ворвулем его автомобиля в дни совершения убийств Борового и Корчинского. Оперативники собрали достаточно фактов, которые указывали на заместителя начальника районного отдела в его преступных деяниях. Была обнаружена кровь убитого Борового на руле «Жигулей». Видимо, она попала на руку Ворвуля при убийстве, но в темноте замечена не была. Очень помогли следствию видеосюжеты с камер железнодорожного переезда и поста ГАИ. На камере с поста Никифоров узнал Ворвуля за рулем «Жигулей». Позже эти «Жигули» попались на глаза одному из соседей Корчинского. Они стояли в частном секторе метрах в ста от дома погибшего как раз в то время, которое криминалисты обозначили как момент совершения преступления. Помогла также видеозапись с переезда. Действительно,

следователи смогли определить более точную модель «Жигулей» по фарам и некоторым элементам передней части автомобиля. Нашелся и свидетель с электрички, который видел это авто возле места преступления и подсказал приблизительный цвет машины.

Скорее всего, и Боровой, и Корчинский в последний миг своей жизни пытались знаками сообщить об убийце. Первый хотел показать, что убийца местный, а второй – о том, что тот – мент.

Были и другие доказательства и улики, которые указывали на Ворвуля. Да он и не пытался сопротивляться. Как работник правоохранительных органов, знал свою участь.

Сложнее было с девятилетней давности убийством предпринимателя Соколова, раскрытие которого потянулось вслед за убийством Борового и Корчинского. Там Васильев разыграл целый спектакль, чтобы завладеть рынком Соколова.

Прежде всего, дней за семь до убийства, Васильев неожиданно и громко посетил офис Соколова. Он был принят хозяином, но тот так и не понял, что хотел от него Васильев. Кроме уже надоевшей просьбы – «продай», ничего нового он не услышал.

– Ведь знает этот наглец мою позицию, зачем тратит время, – думал Соколов, провожая гостя, – надо остерегаться это чудовище. А гость, выйдя из кабинета, повел себя перед сотрудниками немного странно. Окружающие видели его до-

вольное выражение на лице, улыбку, радость, спокойствие. Складывалось впечатление, что для посетителя свершилась удачная сделка. Любой мог бы это подтвердить. Тогда как Соколов вышел из кабинета удрученный и рассеянный. Дело в том, что выходя из кабинета, Васильев бросил напоследок фразу:

– Дорожи жизнью, коллега.

Сотрудники, глядя на босса, наверное, думали:

– А для нашего шефа, вероятно, сделка неудачная.

Визит состоялся восемнадцатого сентября.

Как и предположил Васильев, по доброму рынок у Соколова ему приобрести не удастся. А желание быть владельцем второго по величине торгового пространства в городе было настолько велико, что не учитывались никакие другие, даже разумные, доводы. Оставался план «Б» – устранить конкурента. Для этих целей предприниматель пригласил на встречу бывшего своего работника, а ныне участкового с пригородного поселка, Ворвуля – человека проверенного и испытанного в различных грязных делах. Разговор состоялся в автомобиле Васильева.

Игорь Игоревич изложил Ворвулю свой план. В назначенное время участковый должен в форме появиться на загородной усадьбе Соколова якобы с проверкой надежности хранения охотничьего ружья. Изъяв ружье, заставить хозяина подписать подготовленный договор о продаже рынка, по сигналу впустить Борового и Корчинского, которые произведут

кражу – пусть пацаны покуражатся. Затем из его же ружья застрелить предпринимателя и симитировать самоубийство. Обязательно учесть и нейтрализовать видеонаблюдение.

– Чем все будет запутанней, тем лучше. Надо все очень тщательно продумать и не допустить ошибок, – завершил Васильев и добавил:

– Хватит, Николай, служить народу, подумай и о себе. Если все получится, место начальника охраны на новом рынке тебе обеспечено. А если захочешь остаться в органах – поборемся сначала за должность заместителя начальника райотдела. Все в наших руках.

Как планировали – так все и произошло. Если бы не ворованная фигурка, которую продавал Боровой, неизвестно какой был бы финал этого преступления. Экспертиза засомневалась в самоубийстве, но доказать убедительно вину двоих грабителей в этом на суде не удалось. Пара была неприступной – грабили вдвоем, не убивали. Все действительно было тщательно продумано.

Волна следствия немного накрыла и Васильева. Но тот показал договор от восемнадцатого сентября о покупке рынка. Сотрудники фирмы Соколова подтвердили, что именно в этот день Васильев посетил их шефа и, вероятно, состоялось подписание договора. Дело утонуло в дебрях прокуратуры.

Прошло восемь лет. Срок заключения у Борового и Корчинского закончился. Дома их никто не встречал. Они-то думали, что встретят, как героев. Ведь никого не выдали, взяли

всю вину на себя. Работы на фирмах Васильева нормальной не было, друзья еле перебивались. Вот и решили они шантажировать хозяина. Но Васильев долго терпеть такое отношение к себе не смог. Он пригласил Ворвуля и сообщил ему свое решение:

– Боровой зарвался. Действует от моего имени. Грозится с Корчинским выдать информацию об убийстве, если не дам им, якобы обещанную, их долю. В тюрьме не сдали, требуют возместить. Два раза помог им. Сколько можно. Коля, надо убрать этих друзей. Я на тебя надеюсь.

После выполнения своей черной работы, Ворвуль вначале был спокоен. Следов он, вроде бы, не оставил. Немного напугала служебная собака, которая сразу же взяла след и подошла к машине с Ворвулем. Но все подумали, что овчарка пошла на Никиту, тот ведь был в контакте с погибшим. А потом откуда взялся этот судья-пенсионер. С трудом удалось перехватить сумку и замести следы. Но сыщик все время шел на полшага впереди. Сучий Пинкертон!

Часть 2

Призрак супермаркета

Через год.

... Было странное и непонятное чувство. Выйдя из супермаркета, Николай Игнатьевич не мог понять, что его так встревожило. От чего появились сначала волнение, а потом

тревога? От увиденного в торговом зале или от услышанного там? Удивительно, как может внезапно обрываться покой. Еще полчаса назад было хорошее настроение, затем удачные покупки...

Николай Игнатьевич сел в автомобиль, вытащил из, спрятанной от Ирины Сергеевны, пачки сигарету, закурил и попытался успокоиться. Что произошло? Что послужило причиной внезапно нарушенного спокойствия?

Похожее этому состояние наблюдалось в начале судебной карьеры, когда некоторые осужденные после приговора обещали судье кару и даже месть. С годами восприятие проклятий притупилось. Руденко стал адекватно относиться к этим словам.

В сорок два года он был председателем одного из районных судов города...

Все судебные процессы Николай Игнатьевич пропускал через себя. Наверное, нельзя судье быть таким чувствительным и мягким, но как приказать сердцу. Иногда мать чувствовала его беспокойство, спрашивала, что произошло. И однажды он раскрылся:

– Был процесс. За содеянное по глупости преступное деяние человек получил срок. А у него остались мать, жена, дети. Каково им....

Видимо, из-за такой впечатлительности сердечко теперь было не очень здоровым и надежным. Не зря Ирина Сергеевна тактично предупреждала мужа о вреде курения. Да он

и не увлекался табачными изделиями. Лишь изредка, в каких-то экстремальных ситуациях, мог выкурить одну-две сигареты, упрекая себя потом за минутную слабость.

– Как день начался с неожиданностей, так и продолжается, – думал Руденко, докуривая сигарету, – хоть вроде бы уже и успокоился после утреннего сюрприза.

... Рано утром, проснувшись, Николай Игнатьевич через открытую форточку явно почувствовал запах бензина.

– Не бак ли протекает, – быстро одеваясь, подумал пенсионер и

вышел во двор.

То, что он обнаружил, заставило поволноваться.

Его гараж, выходящий воротами на улицу, примыкал к правой стороне дома. Сразу за ним, впритык, был расположен хозблок – сарайчик, в который можно было попасть и с гаража, и с тыльной части, со двора. Рубероидная крыша гаража была ровной. На ней и обнаружил Руденко жидкость, похожую на бензин. Да, как выяснилось, это и был самый настоящий бензин марки А-92.

Выйдя на улицу, Николай Игнатьевич увидел перед воротами гаража небольшую лужу, куда еще продолжали понемногу падать с крыши капли этого нефтепродукта. Немного заныло сердце. Тревогу вызывала непонятность увиденного. Ни одно объяснение не приходило на ум. Что это? Божий дар для его автомобиля или кусочек ада из преисподней для усадьбы, а может для него самого? Взяв лестницу,

Руденко приставил ее со двора к стенке гаража и взобрался на крышу. Здесь лужа из бензина была по площади больше. Вокруг нее виднелись разбросанные кусочки лопнувшего обычного надувного шарика. Получалось, что кто-то залил в этот шарик литра три бензина и затолкал эту резиновую бомбу с какой-то целью на крышу гаража. Что предполагалось дальше? Неужели поджог? Тревога у пенсионера усилилась. Какие надо предпринять действия? Немедленно сообщить в милицию или попытаться сначала разобраться самому. Несмотря на хаос в мыслях, Николай Игнатьевич решил собраться и трезво оценить ситуацию. Поджога не было, хоть и все было к этому готово. Значит, если ему угрожали, цель была – запугать. Могли быть и шалости хулиганистых подростков. Хотя, имело ли смысл заливать для этого такое количество. А вдруг злоумышленник по какой-то причине не успел зажечь эту адскую бомбочку? Кто он? Кто-то из вышедших заключенных на свободу и мечтавших реванша за свой срок. Маловероятно, так как немногие и только свои знали, где проживает судья-пенсионер. Впрочем, узнать сегодня данные о любом, тем более, не скрывающемся, человеке не так и сложно. Удивительно, но чем дольше разбирал Руденко произошедший случай, тем спокойнее он становился. Включался рассудок.

– Пока ничего не говорить Ире. Еще раз перебрать в памяти последние процессы и реакцию подсудимых на приговор. Все-таки, заеду в райотдел, поговорю с ребятами. Далее. На-

до посетить АЗС – узнать, кто недавно брал горючее в канистру. Тоже шанс. Ну, и надо быть осторожнее и внимательнее в ближайшее время, – обобщил Николай Игнатьевич и пошел за ведром. Надо было смыть горючую жидкость.

А чуть позже дошла, наконец, очередь до пенсионера выслушать экстренное сообщение соседки Марии Семеновны. Эта новость окончательно успокоила Николая Игнатьевича, даже немного рассмешила. Вот что рассказала старушка.

У нее в хозяйстве было два кота и маленькая собачка. Неразрывные спутники Марии Семеновны во всех походах – будь-то в, расположенный рядом, магазин или к какой-нибудь подруге. Вереница домашних животных всегда следовала за ней. В это утро Мария Семеновна проснулась очень рано от жалобного мяуканья за дверью. Выйдя в коридор, старушка ахнула. Перед ней с острым запахом бензина, весь мокрый, в слипшихся комках и клочьях шерсти виновато стоял один из ее котов Васька. Он пытался облизывать свою скомканную шубку, но мгновенно фыркал и мотал головой.

– Три раза меняла воду и израсходовала полпачки порошка, – жаловалась старушка, – а он до сих пор с запахом.

Сначала Николай Игнатьевич слушал соседку равнодушно. Но, по мере того, как в его видении кот Васька все ближе и ближе подкрадывался к, наверное, колышущейся резиновой игрушке с бензином на крыше его гаража, пенсионер все больше собирал внутри себя энергию веселья. Когда же он представил, как кот-охотник ударил пузырь лапой с коготка-

ми, а в ответ на него взорвался и хлынул поток непонятной жидкости, накопленная энергия вышла из-под контроля, и Николай Игнатьевич разразился хохотом.

Мария Семеновна удивленно покачала головой и ушла к себе.

Это было сегодня утром перед поездкой в супермаркет.

... Через час Николай Игнатьевич снова проезжал возле супермаркета. Его внимание привлекла толпа возле входа в магазин. Милиционер на входе никого не пропускал внутрь. Руденко притормозил, подъехал на стоянку и вышел из автомобиля.

– Убийство, – услышал он от кого то.

– Во, дела, – был удивлен Николай Игнатьевич, – когда успели.

Слева от здания супермаркета был служебный въезд с воротами и вход. Туда и направился Николай Игнатьевич. Во дворе возле боковых дверей торгового заведения стояли и беседовали несколько человек. За сигаретным дымом Руденко узнал Левченко, эксперта и еще двоих сотрудников милиции.

– А вот и помощь от Агаты Кристи, – первым произнес Левченко, – народный сыщик, Николай Игнатьевич.

Поздоровавшись и опережая ненавязчивые вопросы, следователь вкратце сообщил Руденко:

– В коридоре подсобных помещений убит грузчик. Ума не приложу, чем он кому-то не угодил. Безобидный, исполни-

тельный мужичок.

Руденко часто видел погибшего. Труженик и тихоня. Было ему на вид лет пятьдесят.

– Действительно, кому мог мешать этот человек. За что лишили жизни? – подумал Николай Игнатьевич и попросил разрешения у Левченко на минутку взглянуть на место происшествия.

– Без работы скоро останемся, Николай Игнатьевич, с вашей помощью, – отреагировал следак на просьбу сыщика, – за дверью бедолага.... Там мой помощник.

Убитый полулежал на полу коридора метрах в пяти от выхода во двор, рядом с входной дверью в торговый зал.

– Три ножевых удара, – произнес помощник Левченко, – два в грудь и один в шею. Шансов выжить было мало, хоть и вовремя обнаружили.

– Похоже, что убийца зашел за ним в этот коридор, сделал свое дело и выскочил во двор, а затем на улицу. Неужели никто не видел? Если так, то это везение. Невероятное везение, – размышлял Руденко.

Уже на выходе во двор, перед дверью, Николай Игнатьевич на полу увидел небольшую пуговицу с обрывками коричневых ниток. «ZUKO», – прочитал Руденко надпись на найденной улике, – похоже, что она вырвана от рубашки и, скорее всего, с рукава. Придержу пока у себя денек, а завтра отдам Серегину.

Положив аккуратно находку в карман, Николай Игнатье-

вич вышел к оперативникам.

– Никто ничего не видел, вся надежда на видеокамеры, – услышал судья от Левченко.

Попрощавшись и пожелав группе удачи, Руденко поспешил к своему автомобилю.

– Опять меня втягивает очередное происшествие. Что же произошло и надо ли это мне? – думал он, управляя машиной.

– Тем более, что нет никакой информации и никаких зацепок. Разве что пуговица. А где гарантия, что это улика. Хоть и очень похоже. Грузчик мог в тот момент, в состоянии аффекта, схватить убийцу за рукав мертвой хваткой. Пуговичка.... А что если проконсультироваться у Володи? Это идея. Пока Ирина Сергеевна на работе, можно съездить к моему знакомому «цеховику».

Володя – Владимир Петрович, всю свою трудовую жизнь посвятил «швейпрому». Так раньше, в шестидесятых годах прошлого века, называли пошивочные ателье, где работали закройщики и, непосредственно, швеи. В семидесятых начали появляться комплексные Дома быта. Это были уже заведения более серьезные и с большим сегментом услуг. Как раз в шестидесятых-семидесятых годах на горизонте социализма зародились так называемые «цеховики». Это были предприимчивые работники, которые открывали подпольные пошивочные цеха и наполняли советский рынок местным «Адидасом», «Леви Страусом» и другими дефицитны-

ми товарами легкой промышленности. Часто для этих целей по договоренности с руководством использовали Дома быта.

Как раз в это время Володя и примкнул к одной из таких групп, которой управляли деловые и энергичные ребята-евреи. Сначала ему поручили печатать на майках «Бони-Эм» и Боярского. Володя стоял возле пресса, подкладывал на блестящее металлическое основание выкройку передней части майки и придавливал ее подвижной горячей частью станка с рисунком Бобби Фарелла или Михаила. Затем женщины-швеи сшивали две части, и получался маленький шедевр искусства. Для «Бони-Эм» начинались гастролы по необъятным просторам СССР, и Д'Артаньян вырывался, наконец, из своей Гаскони.

Вторым этапом у Владимира стал пошив шапок. Теперь он сидел последним в ряду женщин-швей за швейной машинкой и соревновался с ними в количестве выпускаемой продукции.

Следующей ступенью стала реализация произведенного товара. По предложению работодателей Володя стал ездить по городам России и Украины и продавать на базарах все, что было пошито ранее. Пропуском на базар были разрешительные документы от Дома быта.

После нескольких лет преданной работы управленцы оценили рвение и заслуги сотрудника. Ему дали небольшой пошивочный цех.

И понеслось. Энергия, напор, владение технологией по-

шива и понимание цепочки «производство-сбыт» приносили немалые деньги. Дело расширялось. Благосостояние стремительно росло. Автомобиль, кооперативная квартира, шикарная мебель, белый спальный гарнитур, привезенный чартерным рейсом из Минска, импортные видеомагнитофон «Сони» с кассетами и телевизор «Грюндиг» из комиссионки... Конечно-же, такая деятельность шла на грани нарушения социалистических законов и за гранью.

Периодически вечером раздавался телефонный звонок:

– Володя, тревога, – что означало – прячемся. И вся семья до утра начинала разносить все свое добро по разным этажам в квартиры, с жильцами которых были договоренности. Ковры, шикарную посуду, импортные видеомагнитофон «Сони» с кассетами и телевизор «Грюндиг» из комиссионки...

Утром тот же голос по телефону сообщал:

– Отбой!

В этот период и произошло знакомство Николая Игнатьевича с Владимиром Руденко в те годы работал адвокатом. Он выиграл одно из дел, где фигурировал Володя, как обвиняемый, и с тех пор у них сложились очень тесные дружеские отношения.

... – Володя, приветствую. Рад твоему бодрому голосу. Хочу подъехать кое с чем, если уделаешь немного времени, – произнес Руденко и услышал в ответ:

– Добрый день, дорогой. Я дома. Спешить не обязательно. Жду.

Когда Николай Игнатьевич, стараясь не оставить впечатков, показал мастеру швейных дел найденную пуговичку, тот сразу же произнес:

– Запиши телефон. Обратишься от моего имени....

Далее друзья вспомнили молодые годы, пожаловались на день сегодняшний, попили чай, и Николай Игнатьевич покинул этот красивый и уютный дом.

Решив не откладывать на потом свое расследование, Руденко сразу же позвонил еще одному асу швейпрома, Сергею. Это его координаты сообщил судье Владимир Петрович. Назначили встречу, и через час сыщик снова вертел перед глазами специалиста свою неприкасаемую улику.

– Да, это наше, – начал Сергей, – мы покупаем ткани в Нидерландах, ну, и попутно, берем там нитки. Это оттуда. Пуговицы «ZUKO» с другого места. Вот и получилась рубашка. Маловероятно, чтобы кто-то повторил такую комбинацию. Да и рынок я знаю.

– А куда попадает ваша продукция?, – поинтересовался Николай Игнатьевич.

– Этой партии было немного. Всю продаем на рынке, в нашем магазинчике, – ответил Сергей.

– Сережа, большая к вам просьба. Нельзя ли переговорить с продавцами, может быть, они помнят покупателей. Разыскиваем одного из владельцев этой интернациональной рубашки, – продолжал Руденко.

– Никаких проблем. Продавец там один – Светлана. Ду-

маю, вспомнит, так как реализация не очень. Почти все висит, не сезон, – подытожил собеседник.

Поблагодарив Сергея, Николай Игнатьевич решил на сегодня закончить свои изыскания и с усталостью побрел к автомобилю. Домой.

За ужином он подробно рассказал Ирине Сергеевне о событиях дня – о своей, так и не разгаданной тревоге, об убийстве, о найденной пуговице и о том, куда он дошел, идя за пуговичкой, как за клубочком. О надувном шарике с бензином судья промолчал.

– Неугомонный. Тебя, наверное, только танк остановит, – очень спокойно, как всегда, прокомментировала сообщения мужа Ирина Сергеевна.

– Раз уже начал, надо до конца размотать этот клубок. Наверняка в милиции сделают фото всех подозреваемых с видеозаписей. Попроси у Левченко по одному экземплярику и вперед к своей Светлане Швейпроровне. Может и узнает преступника. Это хороший шанс, – так же ровно, как и в начале, проговорила жена.

– Не буду даже и восхищаться. Так уже стало привычно получать ценные данные и указания от подчиненных, – с радостью завершил тему сыщик-любитель.

... Утром Руденко, как дежурный по райотделу, у входа в здание встретил эксперта Сергеева и виновато произнес:

– Иван Семенович, извините. Вчера нашел пуговичку в коридоре супермаркета. Немного задержал, но следов своих

не оставил, она все время была в пакетике. Не говори Левченко.

– Детский сад. Николай Игнатьевич, вам что, буквы латинские понравились или слово, – улыбаясь ответил Сергей, – плохо, что потеряли время, но не переживайте, сейчас проверим. На ней могут быть отпечатки преступника.

Потом, кстати, выяснилось, что никаких следов и отпечатков на найденной пуговице не обнаружили.

Следующим, кого ждал Николай Игнатьевич, был Левченко. Когда он появился на горизонте, Руденко поспешил на встречу и, не давая следователю опомниться, быстро и напористо зачастил:

– Александр Юрьевич, доброе утро! Две минутки. Просьба. Чувствую, будет результат. Пока без подробностей. Есть одна ниточка, пока оборванная, но с вашей помощью она может привести к убийце. Нужны фото подозреваемых лиц с видеокамер магазина. Думаю, вы, как опытный опер, уже подготовили себе такую подборочку. Александр Юрьевич, гарантирую конфиденциальность. В случае успеха все результаты вручаю вам.

Что мог ответить пенсионеру опытный сыскарь в данной ситуации?

Да, он так и ответил:

– Сейчас вынесу.

Вручая копии, Левченко все-таки прокомментировал:

– Николай Игнатьевич, хочу напомнить, что на этих фо-

то может быть только один преступник. Может быть! Все остальные невинные люди. Не допустите утечки и не потеряйте эти копии. Жду с докладом.

Всего было двенадцать снимков. Хотелось бы иметь изображения лучшего качества. Мужские разные лица – без бороды и с бородой, без усов и с усами, без очков и в очках, молодые и зрелые... Кто-то из них мог быть убийцей, а мог и не быть. Просматривая изображения, Руденко снова почувствовал волнение. Да что так тревожит. Или кто?

Поблагодарив следователя, Николай Игнатьевич сел в машину и поехал в город на рынок.

Магазин со Светланой, по наводкам Сергея, нашел быстро. Войдя в торговый зал, Николай Игнатьевич первым делом пробежался взглядом по вешалкам и стеллажам. Найдя знакомые буквы, перевел взгляд на продавщицу. Он тут же вытащил перед девушкой пакет со снимками:

– Света, извините, что отвлекаю. Нужна ваша помощь. Не узнаете ли на этих картинках мужчину, который покупал у вас, допустим в последний месяц, вот такую рубашку. И сыщик указал на рубашку с надписью «ZUKO» на пуговицах.

Светлана, большую часть рабочего дня пребывавшая в одиночестве, с азартом отнеслась к просьбе Николая Игнатьевича. Подойдя к окну, она начала внимательно всматриваться в снимки. Первый просмотр был обзорным и быстрым. Затем выборочным – на некоторых задерживала внимание. В итоге она вернула пакет, мгновенно сникшему было,

Николаю Игнатьевичу и после некоторой паузы произнесла:

– Номер семь.

Как сник, так и оживился. Руденко быстро нашел нужный снимок и начал всматриваться в, не очень четкое, как по качеству, так и по ракурсу, фото предполагаемого убийцы. Он его не знал и никогда не видел в поселке, но что-то снова заставило волноваться. Борода, усы, большие очки, надвинутая на лицо кепка – все это скрывало неопределенный возраст и лицо этого человека.

– Света, вы не представляете, как вы нам помогли. Не знаю, как благодарить. Спасибо вам, – Руденко слегка пожал руку девушке, попрощался и поспешил к автомобилю.

Левченко, после полученного телефонного звонка и сообщения о поездке Николая Игнатьевича, с нетерпением ждал сыщика. Когда тот появился, следователь первым нетерпеливо произнес:

– Ну, где наш враг? Показывайте, Николай Игнатьевич.

Затем он долго и внимательно изучал фото и, наконец, высказался:

– Очень ценная работа. Спасибо, Николай Игнатьевич, за помощь. К сожалению, для беседы мало времени. У нас ЧП. Сегодня ночью кто-то пытался проникнуть в райотдел милиции. Дежурный услышал непонятный шум во дворе с правой стороны здания. Освещенность там слабенькая, видеообзора нет, за условным ограждением ничейная на сегодня территория бывшей почты со старыми постройками. Дежурный со

двора подошел к этому месту и увидел на земле возле ограждения лестницу. Мы до сих пор не можем понять, что бы это значило. Там до сих пор работают наши.

Далее. Утром к нам пришла жена Ворвуля, немного взволнованная и испуганная. Кто-то ночью пытался проникнуть в ее сарайчик. Она так перепугалась, что побоялась даже звонить в милицию. Ей казалось, что ее услышат и нагрянут в дом. Мельком увидела в темноте какие-то силуэты и слышала возню возле двери хозпостройки. Ранее, при Ворвуле, там и замка не было, но после его ареста жена позаботилась о своей безопасности и сохранности имущества.

И последнее. Николай Игнатьевич, мы вынуждены перед вами извиниться. Не знаю, правы ли мы были, но мотив у нас был один – хотели вам покоя. Дело в том, что перед вынесением приговора, около года назад, со следственного изолятора убежал известный вам Ворвуль. Мы понимали, что вряд ли он появится в наших краях. Но риск оставался. Думалось, что долго он гулять на свободе не будет. Но вы бы за это время здоровье подорвали. Поэтому на совещании решили вас не информировать, но бдительность усилили, в том числе и по вашей персоне. Еще раз извините.

По мере того как Левченко отчитывался по третьему пункту и чем дольше рассказывал Николаю Игнатьевичу о решении райотдела, тем бесчувственней и бледнее становилось лицо пенсионера. Казалось, что он не воспринимает слова следователя, да в конце так и было. Отрешенность и

заторможенность его бросились в глаза Левченко и тот, думая, что причинил вред человеку, взволнованно произнес:

– Николай Игнатьевич, что с вами? Вам плохо?

– Ворвуль, – сначала тихо, но убежденно, вымолвил Руденко, – в супермаркете был Ворвуль! Это он убил грузчика! Видимо, тот его как-то узнал.

И поселковый детектив рассказал следователю о своем походе в магазин.

Он со своим продуктовым набором уже стоял перед кассиршей, когда возле третьей кассы, а судья стоял у первой, услышал шум падающих на пол продуктов. Посмотрев в ту сторону, Руденко увидел старушку, которая нечаянно уронила свою корзинку. Все ее содержимое рассыпалось в разные стороны, и старушка, с трудом нагнувшись, медленно начала собирать свой товар. Тут и прозвучал, вроде бы, знакомый судье, голос:

– Бабушка, вам помочь?

– Помощь предлагал мужчина, третий или четвертый в очереди, который стоял за старушкой спиной к Николаю Игнатьевичу. Что-то знакомое показалось в его фигуре.

Все еще не выйдя из легкого оцепенения, Руденко продолжил:

– Теперь все складывается. На фото – Ворвуль, но с другим лицом! Хотя, если присмотреться внимательно, кое-что можно узнать и сейчас из его прошлого облика. Понятен и его визит на родную усадьбу. Скорее всего, в сарайчике спря-

таны его ценные вещи или деньги. Раньше идти туда было опасно, а сейчас он решил, что время притупило бдительность милиции.

Да, это был Ворвуль. Понимая, что за содеянное ему дадут максимум, он с первого дня ареста был настроен на побег. Тем более, что на свободе были припрятаны немалые средства, которые могли бы гарантировать нормальную жизнь в каком-то безопасном месте или в какой-нибудь стране. На этот случай имелись соответствующие документы. Ворвуль предусматривал вариант провала в своей криминальной деятельности.

Вскоре побег удался. Беглец сразу же подался к помощнику Васильева Зайцеву и под угрозой разоблачения того, а знал он про Зайцева много нехорошего, потребовал деньги и надежного хирурга по пластическим операциям. Зайцев выполнил требования Ворвуля, и через некоторое время из клиники вышел, допустим, Петров, а не Ворвуль.

Теперь надо было выждать какое-то время и посетить родные места с заветными тайниками. Да и местному Пинкер-тону кое-что предложить. Ворвуль бледнел от злобы и ненависти, когда вспоминал судью-пенсионера.

В первые же дни приезда, поселившись на окраине в пустовавшем флигеле одинокой старушки, Ворвуль чуть было не прогорел. Как этот грузчик мог его узнать. Пришлось

экстренно избавиться от этого назойливого мужика. Сначала очень повезло. Он вышел из супермаркета незамеченным. Ему так казалось. Радовала и «бомба» на крыше гаража у судьи. Снизу не видно. По отъезду можно будет устроить фейерверк.

Оставалось срочно попасть к тайникам...

Дома, под вечер, Николай Игнатьевич рассказал Ирине Сергеевне о последних событиях. Конечно же то, что жена услышала, очень ее взволновало. Но, тем не менее, попросив мужа быть осторожным, Ирина Сергеевна не удержалась от подсказки и произнесла:

– Передай своим сосыщикам, чтобы они забрали на чердаке своего родного заведения клады Ворвуля. Я уверена, что лучшего места для их хранения у заместителя начальника милиции не было. Наверное, и ключ от двери был только у Ворвуля. Там, кстати, чердачная дверь выходит как раз в сторону бывшей почты. Лестница была его, но воспользоваться ею злодею не удалось. Бензин тоже его рук дело. Придется подежурить ночью. Надеюсь, что недолго бандиту гулять по поселку, если не удерет.

... Ночи бывают светлые и темные. Сегодняшняя была темной. Но это не помешало, а только было на руку Ворвулю проникнуть в свой двор и бесшумно подойти к сарайчику. Все здесь было известно до мелочей и ничего не изменилось.

В доме было нажитое, а в сарае наворованное.

– Я ворюга у своей жены, – ухмыльнулся Ворвуть.

Он достал из кармана отмычки и принялся колдовать над замком. Жена, не зная о том, по-своему охраняла богатство.

Замок был не сложным, поддался быстро. Стараясь не шуметь, Ворвуть медленно начал открывать дверь, открыл ее и вошел вовнутрь.

... Яркий свет, как молния, ударил в глаза. Казалось, сработала какая-то автоматика и зажглась полукиловаттная лампочка. На миг Ворвуть закрыл глаза, прикрывая их ладонью, а когда открыл – обомлел. Напротив него, метрах в трех, восседал в старом облезлом кресле сучий Пинкертон – пенсионер Руденко. Рядом с ним стояли два опера. Еще двое сзади положили руки на его плечи.

Бодрым и спокойным голосом Николай Игнатьевич произнес:

– Что ищем, Иван Семенович? Помощь не нужна?